

Лин Си выдохнул воздух, от которого пахло гнилью. В прошлой жизни, когда он умер, в комнате царила крошечная тьма, пустота. Ветер гулял по оконным створкам, заставляя их скрипеть. Ему было очень холодно. Именно в этой ледяной пустоте таилась самая глубокая одиночество. Как же можно простить такое? Су Сюнь вздохнул и подошел к Лин Си с другой стороны коридора. Увидев его, он положил руку ему на плечо и сказал: "Зачем ты здесь? Иди обратно и перестань смотреть на это". Лин Си поднял холодные глаза и промолвил: "Доктор Су, мир - это море страданий, это ад. Ты это видишь, и я это вижу. Рождение, старость, болезни, смерть - это день, который придет к каждому, рано или поздно". "Как ты можешь думать так мрачно в таком молодом возрасте? Нужно думать вот так: мы не знаем, когда умрем, но можем использовать свою короткую жизнь для чего-то более значимого, жить каждый день с позитивным настроем". Су Сюнь не мог понять, что отражалось в глазах Лин Си. Сарказм? Отчаяние? Или печаль? Он развернулся и поднялся по лестнице, погружаясь в тишину. Су Сюнь с беспокойством смотрел ему вслед, думая про себя, как хорошо, что ребенка выпишут завтра. В подобной среде больницы ему нельзя находиться долго, это только усугубит его и без того нестабильное психическое состояние. Он наконец понял, что семья Е в действительности не заботилась о нем. Кроме Е Синя, никто не приходил к нему за последние несколько дней. Неудивительно, что мысли ребенка были столь мрачны, не выдержал бы и сам. Какая же это судьба? Ему предстояло быть юным господином, не знающим забот о хлебе насущном, но его судьба была перечеркнута с самого рождения. Даже возвратившись, он не встретил теплого приема. Говорят, богатые безжалостны, но кровные узы почитались издревле. Разве сын не в десять раз ценнее. Разве нельзя простить человека, который не заслуживает такого обращения? Когда приближалось восемь часов вечера, неожиданно, Е Лин, Е Цзин и Е Синь зашли в палату, неся с собой фрукты и термосы. Лин Си погружился в свои мысли. Он смотрел на них пустым взглядом, без эмоций, глаза его были ясные и пронзительно холодные, полные отчуждения. Е Лин протянул ему термос: "Вот, возьми". Он смотрел на него сверху вниз, словно подавал милостыню, но Лин Си не взял. Детское лицо Е Лина исказилось от злости и смущения: "Не хочешь есть? Если не хочешь, выкину!" Лин Си: "Выкинь, я уже поел". Е Цзин нахмурился: "Почему ты опять злишься?" Лин Си объяснил: "Я действительно уже поел". Е Лин поставил термос на стол с силой: "Ешь или не ешь! Что за несносный тип!" Е Синь скрестил руки: "Где ты ел?" "Соседи дали", - ответил Лин Си. - "Булочки и каша очень вкусные". Е Лин сел на стул, сердитый: "Почему ты ешь чужие вещи? Не боишься, что они несвежие?" Он сегодня встал рано и привез с собой семь-восемь видов закусок и завтрака, чтобы его навестить в больнице. Этот тип не ест! Как же он не ест! Лин Си смотрел на него, не понимая, чем тот недоволен. Он открыл термос. Еда внутри была очень изысканная, гораздо лучше, чем то, что посылала раньше экономка. Сжав губы, он взял палочки и начал есть. Хотя он не чувствовал голода, но все же съел несколько кусочков: "Спасибо", - сказал Лин Си. Вот это как раз то, что нужно. Гнев Е Лина немного утих. Он пристально смотрел на Лин Си: "После того, как съешь...", "Ты хочешь меня до смерти накормить", - сказал Лин Си, надув губы. Е Лин слегка улыбнулся. Почему он раньше не замечал, что Лин Си довольно милый? Е Цзин смягчил тон: "Я не должен был тебя бить. Я прошу у тебя прощения. Извини". Е Цзин имел в виду инцидент с пинком. Он не был человеком, боящимся признать свои ошибки. Если виноват, то должен извиниться. Лин Си был очень удивлен, что когда-нибудь этот человек скажет ему "извини". Как иронично. На его лице появилось безразличное выражение: "Мистер Е, не нужно извиняться. Я этого не заслуживаю. Не теряйте лицо". "Как ты меня называл?" Е Цзин нахмурился, выражение его лица было сложным, слегка недоверчивым. Лин Си съел половину еды и отложил палочки: "Я назвал тебя мистером Е, что не так, тебе не нравится? В любом случае, семья Е не объявила о моей личности общественности, ты не любишь меня, и ты стыдишься меня, так что лучше как можно скорее разорвать связи, чтобы не выглядеть еще более жалким в будущем". Е Цзин сразу понял: "Ты обвиняешь меня в том, что я не объявил о твоей личности?" Лин Си чувствовал глубокую печаль. Он почувствовал себя посмешищем. Нет большей скорби, чем мертвое сердце. В этот момент его разбитое сердце снова кровоточило. Лицо, которое восстановило

немного румянца после нескольких дней отдыха, снова стало бледным: "Что я сделал такого непростительного, что ты вынужден так обо мне думать? Ваше высокомерное лицо меня просто тошнит!" "Да", - улыбнулся Лин Си, его черно-белые глаза сверкали вызовом: "Я обвиняю тебя. Почему, разве я не должен обвинять тебя? Зачем ты взял меня обратно, если не хотел принимать? Как ты счастлив без меня? Раз уж ты взял меня обратно, но не можешь меня терпеть, ты думал о моих чувствах?" Сталкиваясь с агрессивным Лин Си, Е Цзин был не из тех, кто может терпеть. Он сердито сказал: "Что ты себе позволяешь? Кто не может тебя терпеть? Я неправильно тебя воспитал, просто еще не объявил о тебе, а ты уже обижаешься. Тебя нужно приструнить!" Видя, что ситуация вот-вот выйдет из-под контроля, Е Синь сказал: "Папа, успокойся, он же еще больной". Е Цзин глубоко вздохнул: "Хорошо, не буду больше говорить. Лин Си, береги себя!" После этого, он шагнул за пределы комнаты. Неподалеку он прислонился к стерильно-белой стене. Ему вдруг захотелось курить. Су Сюнь подошел к Лин Си, чтобы проверить его цвет лица и внимательно осматривал: "Сяо Си, тебе нехорошо?" Потом нахмурился: "Ци и кровь атакуют сердце, Сяо Си, расслабься, не думай о неприятных вещах". Ну вот, после нескольких дней реабилитации, они вернулись к исходной точке. Что не так с этой семьей Е? Они пришли навестить больного или его мучить? Зачем они так злят людей? Лин Си открыл глаза и спокойно сказал: "Со мной все нормально". Его лицо было настолько бледным, что казалось прозрачным. Су Сюнь немедленно вызвал медсестру, чтобы поставить ему капельницу. Он дрожал, когда холодное лекарство вводили в его тело. Медсестра подоткнула ему одеяло, ласково погладила по голове и мягко сказала: "Держись, ты скоро поправишься". Е Цзин стоял за дверью, наблюдая, как медсестры заходят и выходят. Ему было не по себе, он молчал. Е Лин и Е Синь вышли. Трое отца и сыновей были необычайно тихи. Через некоторое время Е Синь медленно сказал: "Папа, он еще ребенок, и его здоровье не очень хорошее. Су Сюнь сказал, что с его физическим и психическим состоянием он не проживет до 30 лет, если за ним не будут ухаживать". Е Лин не веря закрыл рот рукой. Лицо Е Цзина изменилось: "Он же не смертельно болен, почему?" Е Синь ответил: "Организм перегружен, недоедание, психологический стресс, органы откажут, и он умрет". "Папа, он умрет, из живого человека превратится в холодный маленький ящик, и мы больше никогда его не увидим. Ты хочешь увидеть этот момент?" "Конечно, я не хотел бы. Ведь он мой сын. Я просто злился," - нахмурился Е Цзин. Даже тигр не ест своих детенышей. Он не настолько жесток. "Ну, давай отправим Е Цзяо, ты согласен?" - сказал Е Синь.